

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Афанасов Николай Борисович

**Истоки культурно-исторической эпистемологии
в трудах Г.Г. Шпета**

Специальность

5.7.2 – история философии

Резюме диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук
Пружинин Борис Исаевич

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ	3
АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ	3
СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ	14
ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ	18
ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ	18
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	19
НАУЧНАЯ НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ	21
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ	22
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ	24
ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ	25
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	41
АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ.....	51

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

В центре внимания настоящего исследования – теория познания в философии Густава Густавовича Шпета, которая в конце XX-го века стала одной из основ проекта культурно-исторической эпистемологии¹. Задача анализа историко-философской преемственности мысли – в нашем случае это философские идеи Густава Шпета о природе, механизмах и “логике познания”² и их интерпретация в работах современных культурно-исторических эпистемологов – становится особенно актуальной в контексте трансформации³ эпистемологических практик мышления и исследования на рубеже XX-го и XXI-го веков. Культурно-историческая эпистемология – направление методологического поиска в философии познания. В качестве одной из своих центральных задач её представители видят необходимость поиска и выработки общего основания для диалога развивающихся традиции и конкурирующих друг с другом эпистемологических подходов. «Положительная» интерпретация философии Густавом Шпетом, которая становится одним из самостоятельных предметов анализа в настоящем исследовании, в оптике культурно-исторической эпистемологии превращается в значимую теоретическую составляющую всего проекта.

---

¹ Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Культурно-историческая эпистемология и перспективы философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2021 – Т. 58. – № 5. – С. 21-23.

² Сам Густав Шпет предпочитал использовать именно выражение “логика познания” для разработки понимаемых сегодня в качестве эпистемологических проблем. Поэтому мы используем эту словосочетание как авторский термин, содержание которого подробно раскрывается в тексте диссертации.

³ Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Предисловие // Культурно-историческое измерение современной науки / под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. – М., СПб., Белгород: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – С. 7.

Теоретическая и практическая актуальность исследования становится очевидной при обращении к актуальному состоянию подходов, решающих свои философские задачи в рамках целей и практик эпистемологического образа мышления. Претензия на раскрытие логики методологии познания, которая позднее позволит достичь декларируемых целей (они могут значительно отличаться в зависимости от направления, о котором мы говорим, но на уровне предмета анализа между ними больше сходств чем различий), часто основывается на обращении к истории философии. Апелляция к истории философии в таких случаях имеет не декларативно-декоративный характер, но выступает в качестве источника вдохновения и продолжения определённых традиций мышления. С нашей точки зрения, в этом в том числе может быть усмотрен один из механизмов работы мысли, её преемственности, о чём пойдёт речь далее. Прежде всего мы исследуем то, почему Густав Шпет рассматривал именно теорию познания в качестве отправной точки философии, её содержательного ядра, а также то, как творческое наследие Густава Шпета было понято и использовано в рамках проекта построения культурно-исторической эпистемологии. Ясная артикуляция эпистемологического интереса Шпета и полученных им результатов необходимы для того, чтобы иметь материал для сопоставления с интерпретацией его идей в традиции культурно-исторической эпистемологии.

Согласно оценке многих ведущих отечественных и зарубежных эпистемологов, актуальное состояние философской эпистемологии, сложившееся после 70-х гг. XX-го века, следует описывать и анализировать как кризисное⁴. В независимости от того каково было реальное положение

---

⁴ См.: Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. – М.: Политическая энциклопедия, 2018; Пружинин Б.И., Автономова Н.С., Бажанов В.А., Грифцова И.Н., Касавин И.Т., Князев В.Н., Лекторский В.А., Махлин В.Л., Микешина Л.А., Ольхов П.А., Порус В.Н., Сорина Г.В., Филатов В.П., Щедрина Т.Г. «Достоинство знания как проблема современной эпистемологии».

дел в 70-е гг. – ряд исследователей ставят под сомнение «кризис» в теории познания⁵, атрибутируя его существование современным перформативным стратегиям –, размышления о конце эпистемологии как значимого, актуального и единого философского предприятия стали фактом дискурсивной практики науки. До настоящего времени это особым образом структурирует множество проводимых исследований. В рамках нашего анализа мы предпримем попытку с опорой на анализ историко-философской рецепции идей Густава Шпета в традиции культурно-исторической эпистемологии показать, какие внутренние механизмы и философская логика могут стоять за дискурсом обозначенного кризиса в эпистемологии. Эта задача актуализирует распространённый и ставший легитимной стратегией подход, согласно которому необходимо вскрывать историко-философскую логику, которая стоит за проводимыми исследованиями. Таким образом, в качестве рабочей гипотезы мы с рядом уточнений принимаем положение о «кризисе» в эпистемологии. Поскольку в основе нашего анализа лежат практики историко-философской компаративистики, существование самого «кризиса» – рабочая посылка. Он одновременно релевантен для культурно-исторической эпистемологии и для Густава Шпета и являются частью их

Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2016. – № 6; Лекторский В.А., Автономова Н.С., Черткова Е.Л., Дубровский Д.И., Филатов В.П., Иванов Д.В., Касавин И.Т., Катунин А.В., Кузнецова Н.И., Левин Г.Д., Пирожкова С.В., Порус В.Н., Пружинин Б.И., Смирнова Н.М., Труфанова Е.О., Загидулин Ж.К. Современные тенденции развития эпистемологии (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. – 2018. – № 10; Касавин И.Т., Порус В.Н. Современная эпистемология и ее критики: о кризисах и перспективах // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 4; Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 93; MacIntyre A. Epistemological Crisis, Dramatic Narrative, and the Philosophy of Science // The Monist. – 1977. – Vol. 60. – Iss. 4. – P. 453-455.

⁵ Касавин И.Т., Порус В.Н. Современная эпистемология и её критики: о кризисах и перспективах // Эпистемология и философия науки. – М.: ИФ РАН, 2018. – Т. 55. – № 4. – С. 9-13.

методологического самосознания. Философ много писал о засилии «отрицательных», «негативистских» и «привативных» тенденций в современной ему философии. Они выступают диалектической противоположностью «положительной» философии. Принципиальное значение имеет факт оперирования этими категориями и их смыслами в традиции культурно-исторической эпистемологии. Более того, мысль самого Густава Шпета, несмотря на значимые терминологические отличия от словоупотребления, принятого в философии сегодня, может быть интерпретирована и прочитана как реакция на кризисные (в его понимании) процессы, касающиеся в первую очередь единства философии. Диссертационное исследование показывает, что в основе этой реакции лежала *логика* познания и эпистемологический интерес. Всё это сближает теорию Густава Шпета не только с современностью в интерпретации культурно-исторической эпистемологии, которую мы исследуем, но и позволяет говорить о более общей актуальности философского наследия русского мыслителя.

Важно не только то, что теория познания, исторически основывавшаяся на философском инструментарии и философской же логике, перестаёт пользоваться достижениями философской мысли, но и то, что вместе с этим меняется сама её задача. Это происходит по целому ряду причин, которые сложно признать ценностно-нейтральными и не имеющими последствий в современной науке и культуре⁶. В интерпретации Густава Шпета утрата понимания ценности философской природы познания грозит философии если не полным отказом от своей сущности, то упадком и переходом в отрицательную фазу своего развития. В первую очередь, часть классических идеи и понятий философии были отодвинуты на периферию

---

⁶ Денн М., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г., Синеокая Ю.В. Густав Шпет и Лев Шестов: друзья и антиподы (две интерпретации феноменологии Эдмунда Гуссерля) // Философский журнал. – 2016. – Т. 9. – № 4. – С. 180.

методологического сознания науки в ходе нарастающей фрагментации, социологизации и формальной математизации нормативного знания⁷. Желание избежать «оценки» и «лишних контекстов» в суждениях и анализе приводит к тому, что эпистемологами может быть задан лишь определённый круг вопросов, в независимости от того, насколько они реально релевантны исследуемому материалу. В конечном счёте эти процессы обедняют не только философию и культуру, но и саму науку. Одной из критических задач подхода культурно-исторической эпистемологии становится призыв к реституции философских практик самоописания субъекта и процессов познания, в которые этот субъект включён. Последние понимаются как важная часть научного исследования. Поскольку они могут быть определены лишь в терминах необходимо имеющих культурное, историческое или *социальное* (в понимании Густава Шпета) измерение, то исторический генезис этих больших структур, рождающих стратегии самоописания и легитимации действия, должен прежде всего стать не предметом критики, но предметом анализа. В противном случае нарушается принцип беспристрастности научного и философского познания, а эпистемология превращается в проект по нормативному переустройству мышления учёных и философов. Горизонт этого мыслительного хода Шпета простирается и дальше, за границы эпистемологической проблематики. Согласно указанию на неэлиминируемый характер культурно-социальных пластов человеческого бытия, сама возможность беспристрастно говорить о субъекте ставится под сомнение. Вместо этого актором процесса познания (и философствования)

---

⁷ Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 84, 328-330; Мамчур Е.А. Присутствуем ли мы при кризисе эпистемологических оснований парадигмы физического знания? // Философия науки. – М., 2001. – Вып. 7.– С. 6; См.: Balzer W., Sneed J.D., Moulines C.U. Structural Knowledge Representation. – Amsterdam–Atlanta: Rodopi, 2000; Культурно-историческое измерение современной науки / под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М., СПб., Белгород: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

всегда является конкретный человек, чьи ценности и чьё самопонимание имеют решающее значение. Для Густава Шпета это тем более важно, что он рассматривает познание как конкретно-исторический феномен, порождённый философией.

Исходя из сказанного, можно сформулировать тезис, согласно которому современное понимание эпистемологии в значительной степени прямо противоположно задачам породившей её философии. Ряд подходов в современной эпистемологии не считают нужным и даже возможным использовать описанные в традиции мысли механизмы познания не только в разработке новых методологических стратегий, но и в качестве отправной точки для рефлексии своего собственного состояния. С логической точки зрения этот *coupure* может быть возможен, если речь идёт о полностью новом и независимом проекте в познании, но установление этого факта требует соответствующего историко-философского исследования и методологического обоснования. Следует показать, что новые «философские» практики рефлексии утратили связь с конкретно-исторической традицией философского мышления. Бремя доказывания в данном случае лежит не на сторонах дискуссии, но на философии познания в целом, поскольку вопрос идёт об общей концептуальной рамке всей современной эпистемологии. Культурно-историческая эпистемология выступает не как нормативный подход, но в первую очередь как методологическая установка, которая ставит под сомнение ряд теоретических положений *studies*-образных и социологизирующих подходов. В этом контексте культурно-историческая эпистемология в качестве проекта философской теории познания представляет собой актуальное направление в философской мысли, эвристический потенциал которого требует вдумчивой оценки. Для понимания её задач и смысла требуется историко-философский анализ идей, которые легли в основу построений культурно-исторических эпистемологов. Поскольку к методологическим принципам самой культурно-исторической эпистемологии принадлежит особое внимание к источникам

философского вдохновения исследуемых феноменов мысли, принципиально важно актуализировать те идеи, которые заложили сами её основы.

Наследие Густава Шпета, его понимание *положительной философии*⁸, «историческая философия» и разработанные им герменевтические принципы⁹ легли в основу философского обоснования культурно-исторической эпистемологии. “Логика познания” исторической философии Густава Шпета стала прообразом методологических практик культурно-исторической эпистемологии. Термин “логика познания” будет часто встречаться на протяжении нашего исследования, поэтому имеет смысл прояснить его смысл и генезис. Под “логикой познания” Шпет понимает тот комплекс познавательных принципов и практик, который был исторически порождён западной рациональностью и философией. По мнению философа, его основные принципы (установка на теоретическое познание, ценность исследования, историзм мышления и проч., что подробно рассматривается в нашем исследовании) сохраняют своё значение. Строго говоря, если мы попытаемся обнаружить артикулированную теорию познания у Густава Шпета, то мы потерпим неудачу: общая рамка мышления Густава Густавовича не предполагала отдельного описания его «эпистемологической теории», подобно той, которую мы можем найти в современных пособиях по философии или у мыслителей более склонных к строгому тематическому позиционированию своих работ. По всей видимости, подобные различия и структурирование философских подходов является более способом интерпретации – во вполне определённой вольфианско-кантианской

---

⁸ Демин И.В. Герменевтическая феноменология Густава Шпета: на пути к «положительной» философии истории // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2019. – № 2. – С. 105; Кузнецов В.Г. Герменевтическая феноменология и положительная философия Густава Густавовича Шпета // Густав Густавович Шпет / под ред. Т.Г. Щедриной. – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 168.

⁹ Махлин В.Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. – М.: Знак, 2009. – С. 441, 466.

традиции – наследия мысли, но не естественной и безусловной формой её существования. Соответственно, то, что Густав Шпет разрабатывал философские основания познания, должно быть показано с привлечением историко-философского инструментария.

Обращение к самому наследию Густава Шпета на протяжении последних нескольких десятилетий следует определить как значимую составляющую отечественной, а также зарубежной историко-философской мысли¹⁰. Это, безусловно, связано с популярностью феноменологических исследований, герменевтических подходов и общим интересом к мысли раннего советского периода, но результаты анализа мысли Шпета показывают, что его философия не исчерпывается атрибутируемыми ей значимыми достижениями в развитии того или иного направления за исключением, возможно, советского структурализма или философии языка. В силу исторических причин философия Густава Шпета, являясь средоточием рефлексии своей эпохи и представляя собой замечательный пример философской истории философии, имела ограниченные возможности по влиянию на последующую мысль. Институциональный успех Густава Шпета на посту первого директора Института научной философии не получил развития, а атмосфера свободного обмена мнениями и ведения дискуссий внутри страны драматически сокращалась с каждым днём на протяжении 20-х и 30-х гг. XX века. К сожалению, жизнь Густава Густавовича трагически оборвалась. В 1937-м году, когда философу было 58 лет, его расстреляли.

Содержательный анализ мысли Густава Шпета позволяет говорить о том, что ряд идей философа в отношении тенденций философии может быть актуален для лучшего понимания современной повестки и задач, стоящих

---

¹⁰ Mjør K.J. Philosophy, Modernity and National Identity: The Quest for a Russian Philosophy at the Turn of the Twentieth Century // The Slavonic and East European Review. – Vol. 92. – No. 4. – P. 626.

перед философией познания. На историко-философском уровне это определяет ещё одну составляющую актуальности проводимого исследования: тематическая реконструкция эпистемологических и методологических аргументов Густава Шпета в контексте современной теории познания требуется для понимания разворачивающейся сейчас дискуссии в методологии познания¹¹. Подобно тому, как социальные философы и социологи ценят наблюдения и анализ классиков, которые, казалось бы, не могут быть прямо отнесены к происходящему сегодня, ряд соображений и находок Густава Шпета следует рассматривать столь же серьёзно. В основе этого лежит тот факт, что несмотря на специфический для начала XX-го века научный язык, на котором мыслил Шпет, дистанция между нашим и его временем не столь велика: более того, именно события интеллектуальной жизни начала XX-го века следует считать периодом, который задал основные векторы дисциплинарного развития, в рамках которых сегодня существует универсум наукообразного знания. Ко всему прочему сама практика отслеживания генезиса и интерпретаций идей русского философа в современной мысли может служить иллюстрацией метода работы культурно-исторической эпистемологии.

Мысль Густава Шпета находилась в критическом диалоге с неокантианством, гуссерлевской интерпретацией феноменологии, позитивизмом. Как увлечённый мыслитель и тонкий знаток истории философии, Густав Шпет фиксировал умонастроения 10-х и 20-х гг. XX-го века, а также породившую их динамику философской истории, и давал им свою критическую оценку с позиции собственного философского взгляда на историю философии. Вполне допустимо говорить о творчестве Шпета как о создании *философии* истории философии, поскольку он разрабатывает универсальную схему, позволяющую картографировать те или иные

---

¹¹ Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 340.

подходы. Для Густава Шпета история философии развивается через диалог «отрицательной» и «положительной» философий, каждый этап которого задаёт особое мыслительное напряжение, которое позволяет каждой эпохе «проживать» мысль самостоятельно и, тем самым, пользоваться теми плодами, которые она способна принести.

Эта общая рамка не заслоняла для Шпета задачу конкретного анализа, который следует признать научным, корректным и ценным в том числе и по меркам современных требований, предъявляемых к историко-философским исследованиям. В контексте современной философии и теории познания его мысль оказывается особенно актуальной, поскольку именно в те годы был окончательно сформирован вектор фрагментации философских практик, достигший своего апогея в современности, а теория познания утратила свою роль в общем проекте построения дисциплин, изучающих смыслы человеческой жизни¹². Шпет был не только восторженным свидетелем достижений научного метода в языкознании, психологии или естественных науках, но и включённым наблюдателем в процесс дефилозофизации этих дисциплин. Густав Густавович полагал, что это временный этап в рамках доминирования привативистского подхода к мышлению, а сама философия, как интегрирующая составляющая западной (понятой как конкретный культурно-исторический феномен) рациональности может и должна быть восстановлена в своих правах. Это была одна из тех задач, которую преследовал Шпет в своих трудах и в своей полемике. Ровно эту же задачу ставит перед собой культурно-историческая эпистемология сегодня. Если обратиться к более широкому контексту мысли, то мы осмелимся утверждать, что современная эпистемология в проекте возвращения к философии находится в худшем чем этика или политическая философия

---

¹² См.: Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М.: Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005.

положении. В рамках этих философских разделов, фрагментация и плюрализация подходов, в которых на протяжении второй половины XX-го века породила целый ряд формально-ориентированных теорий, происходит возвращение к концепциям, казалось бы, полностью утратившим свою значимость. В ход снова идут метафоры, метафизические понятия, и многие читатели и аналитики предпочитают этот «ненаучный» дизайн строгой аналитической картине конкретных исследований. Густав Шпет вполне мог бы приветствовать этот процесс в качестве возвращения к «положительной» философии средствами самой философии, видеть в этом возвращение живого диалога культуры со своей историей. Культурно-историческая эпистемология осуществляет это движение в рамках анализа исследований познавательных практик. Иными словами, критика Шпета, которой более ста лет, может и должна быть применима для анализа наличной картины мира и состояния философии, поскольку Шпет критиковал сами заложившие её основы.

Таким образом, в диссертационном исследовании предлагается реконструкция и анализ теоретико-познавательных и методологических принципов философии Густава Шпета в контексте актуальных методологических дискуссий, инициатором и центром которых стал подход культурно-исторической эпистемологии. Обращение к идеям философа осуществляется сквозь призму культурно-исторической эпистемологии как направления, рефлексивно относящегося к своим собственным интеллектуальным истокам, а также ставящего своей задачей осознание цельности культуры, познания и философии как сторон единого феномена человеческой жизни. Результатом проведённого исследования становится анализ призыва культурно-исторической эпистемологии к возвращению не только к философской дискуссии в рамках феноменологии или герменевтики познавательной деятельности, но и анализ необходимости фундаментальной реституции роли философии в познании.

Степень научной разработанности проблемы

Историко-философские исследования мысли Густава Шпета имеют замечательную, но сложную историю. В значительной степени наследие русского мыслителя оставалось недоступным для читателя на протяжении всего советского периода истории России. При жизни Шпета было издано не так много его работ, а доступ к ним в букинистических магазинах или публичных библиотеках был ограничен. В послевоенной советской исследовательской литературе мы фактически не встретим упоминаний Густава Шпета. Лишь в 90-е гг. ситуация начала меняться вместе с началом работы по изданию основных трудов Густава Шпета и первыми попытками ввести мысль философа в актуальный контекст мысли¹³. В первые годы XXI-го века усилиями Татьяны Геннадьевны Щедриной было фактически издано собрание сочинений Густава Густавовича, которое насчитывает 13 томов. Важно и то, что благодаря её работе интеллектуальное сообщество в России обрело не только единожды утерянное, но и никогда не издававшееся: ряд работ Шпета никогда не публиковался при жизни, многие тексты существовали лишь в форме черновиков и рукописных заметок. На настоящий момент корпус сочинений Шпета, включая его переписку и черновики, доступен исследователю. Основные изданные работы снабжены критическим аппаратом, который позволяет не только работать непосредственно со смыслами философии Густава Шпета, но и – в случае такой потребности и специального интереса – проводить более специализированные текстологические исследования. Одной из

---

¹³ См.: Гидини М.К. Особенности герменевтики Г.Г. Шпета // Начала. – 1992. – № 2; Роди Ф. Герменевтическая логика в феноменологической перспективе: Георг Миш, Ханс Лип и Густав Шпет // Логос. – 1996. – № 7; Кузнецов В.Г. Герменевтическая феноменология в контексте философских воззрений Г.Г. Шпета // Логос. – 1991. – № 2; Калиниченко В.В. Густав Шпет: от феноменологии к герменевтике // Логос. – 1992. – № 5; Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Издательство Московского университета, 1991.

особенностей рукописного наследия Густава Шпета являлся трудно читаемый почерк, понимание которого требует тренировки специального навыка. Подготовленные издания основных трудов философа снабжены расшифровками пометок и заметок самого философа, которые облегчают работу по пониманию его замысла. Таким образом, к началу третьего десятилетия XXI-го столетия основная археографическая работа по представлению трудов Густава Шпета научному сообществу завершена, и исследователь не только не встретит препятствий, мешающих познакомиться с наследием Шпета, но и в виде справочного аппарата существующих изданий найдёт квалифицированную поддержку.

Важно отметить, что не только издательские проекты по восстановлению исторической справедливости и возданию должного одному из центральных представителей русской философии начала XX-го века определили внимание философского сообщества к работам Г. Шпета. Первоначальный интерес к его философии был вызван полемическим желанием отыскать в истории русской мысли не-религиозные составляющие для более многогранного её понимания и представления, поскольку сам русский философ сохранял критическую дистанцию в отношении религиозной философии¹⁴. Для этих целей систематическая и строгая феноменологическая, герменевтическая, эстетическая и, наконец, историко-философская мысль Густава Шпета подходила как нельзя лучше, что особо отмечено одним из лучших историков русской мысли, философом Владимиром Карловичем Кантором¹⁵. Мы не будем предметно останавливаться на содержательной стороне дискуссии о соотношении

---

¹⁴ Кырлежев А.И. Русская религиозная философия: около церковных стен // Неприкосновенный запас. – 2002. – Т. 22. – № 2. – С. 103; Кантор В.К. Густав Шпет: русская философия как показатель европеизации России // Вестник Европы. – 2005. – № 13–14.

¹⁵ Кантор В.К. Густав Шпет: русская философия в контексте культуры // Вопросы литературы. – 2005. – № 3. – С. 265.

религиозных и нерелигиозных основ русской мысли, однако укажем на то, что публикация и анализ работ Густава Шпета позволяют утверждать, что русской мысли начала XX-го века были вполне присущи систематические практики мышления в отсутствие которых её часто – как справедливо, так и несправедливо – упрекают¹⁶. Даже беглое знакомство с трудами Шпета и теми спорами, в которые он был включён, очевидно свидетельствует о том, что на уровне критической дискуссии, и на уровне понимания самой задачи философии русская мысль не ограничивалась политической, религиозной или «интеллигентской» проблематикой. Философия Густава Шпета подтверждает, что русская философия была органично включена в единое пространство европейской философии.

По творчеству Густава Шпета был защищён ряд заслуживающих внимания кандидатских и докторских диссертаций, в том числе докторская диссертация Т.Г. Щедриной «Философско-методологический проект Густава Шпета» 2003 г., кандидатская диссертация Е.А. Счастливецовой «Идейные истоки и основания феноменологии Шпета» 2003 г., кандидатская диссертация Т.Н. Патрахиной «Герменевтическая философия Г.Г. Шпета» 2005 г. В ведущих научных журналах ежегодно появляются новые исследования, посвящённые анализу работ Шпета. Историко-философская интерпретация творчества Шпета заложила достаточно прочные основания для продолжения более узких и предметных тематических исследований мысли русского философа, а усилия по реконструкции ранее малоизвестного наследия снабдили современных исследователей необходимыми источниками. Всё это значительно облегчает тематические исследования и анализ мысли Густава Шпета.

В контексте исследования значения идей Густава Шпета для культурно-исторической эпистемологии следует отметить работу по

---

¹⁶ Сиземская И.Н. О внутреннем согласии русской философии и литературы // Философия и культура. – 2010. – № 5. – С. 81.

актуализации методологических стратегий, разработанных самим Шпетом, для нужд конкретных исследований. Ежегодно на базе ведущих отечественных институций проводится международная конференция «Шпетовские чтения», по результатам которой публикуются коллективные сборники статей. Семнадцатый том серии «Философия России первой половины XX века» был полностью посвящён Густаву Густавовичу Шпету¹⁷. В связи с празднованием 100-летнего юбилея основания Института философии, первым директором которого был Густав Шпет, были проведены архивные изыскания, которые сделали достоянием академического сообщества реальные организационные идеи Шпета, которые были вдохновлены его пониманием задач философии¹⁸. Полностью в соответствии со своими теоретическими идеями Густав Густавович стремился организовать и работу Института научной философии: стимулировать диалог между философами, не пренебрегая предметностью конкретных исследований. На сегодняшний день состояние шпетоведения позволяет говорить о том, что в научном отношении мысль русского философа стала легитимной частью русскоязычного философского ландшафта, а также вошла в орбиту интереса западных исследователей феноменологии, герменевтики, философии языка¹⁹. Прделанная многими исследователями реконструкторская, аналитическая и интерпретационная работа позволяют исследовать не только отдельные стороны философии Г. Шпета, но и обращаться к самой рецепции, влиянию его мысли на последующую традицию.

---

¹⁷ Щедрина Т.Г. (ред.) Густав Густавович Шпет. – М.: РОССПЭН, 2014.

¹⁸ См.: Черняев А.В., Щедрина Т.Г. (ред.) Институт научной философии. Начало. – М.: Политическая энциклопедия, 2021.

¹⁹ Radunović D. The Emergence of Modern Scientific Communities in Late Imperial and early Soviet Russia: The Case of the Moscow Linguistic Circle // *Revue des études slaves*. – 2017. – Vol. 88. – No. 1/2. – P. 139-142.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются философско-методологические истоки и предпосылки культурно-исторической эпистемологии.

Предметом исследования являются философско-методологические истоки и предпосылки культурно-исторической эпистемологии в теоретико-познавательном проекте Густава Шпета.

Цели и задачи исследования

Цель исследования: выявить и проанализировать философско-методологические идеи культурно-исторической эпистемологии в трудах Густава Густавовича Шпета.

Задачи исследования:

1. Выполнить историко-философскую реконструкцию теоретико-познавательных идей философского проекта Густава Шпета, акцентируя внимание на его феноменологических и герменевтических истоках.
2. Проанализировать основные сочинения Густава Шпета с позиции создания методологического проекта “логики познания” на основе феноменологии сознания и герменевтики.
3. Произвести сравнительный анализ эпистемологических идей Густава Шпета и Эдмунда Гуссерля, представителей неокантианства и вдохновителя феноменологического метода в социологии Эмиля Дюркгейма.
4. Проанализировать критический метод Густава Шпета на материале его работы с традицией «отрицательной» позитивистской философии Огюста Конта.
5. Реконструировать трансформацию феноменологической аналитики сознания у Густава Шпета в определении принципов языковой, исторической и культурной “логики познания” человека.

б. Сопоставить “логику познания” в философии Густава Шпета с проблематикой культурно-исторической эпистемологии.

Теоретические и методологические основания исследования

Теоретические и методологические принципы исследования основываются на методах современной историко-философской работы, философской герменевтики, а также на методологических принципах понимания в концепции самого Густава Шпета. Последние стали составной частью самой культурно-исторической эпистемологии. Методологическим основанием диссертации является культурно-историческая эпистемология, разрабатываемая Борисом Исаевичем Пружининым, Татьяной Геннадьевной Щедриной и многими другими исследователями проблем современной теории познания (В.А. Лекторский, П.П. Гайденко, Л.А. Микешина, Н.С. Автономова, В.Н. Порус, М. Денн, К.Г. Фролов, Н.И. Кузнецова, В.С. Стёпин, И.Н. Грифцова и др.). Ключевую роль в методологическом подходе диссертации играет концепция «диалога когнитивных практик», предложенная Людмилой Александровной Микешиной²⁰. В рамках исследований Микешиной был осуществлён один из первых опытов по осмыслению русской философии как источника вдохновения и оптики анализа современных методологических и эпистемологических идей в познании. Именно опыт этой концепции выступает в качестве образца для предпринятого сравнительного анализа позиций Г. Шпета и О. Конта, Г. Шпета и Э. Гуссерля, Г. Шпета и представителей неокантианства и др. Для реализации первой поставленной задачи используется метод концептуального анализа значимых сочинений философа, а также разработанная самим Густавом Шпетом теория понимания философии в соответствии с её внутренней логикой и в её отношении к историко-

---

²⁰ Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 9-12.

культурному контексту. Густав Шпет одним из первых разработал и применил на практике логический способ понимания текстов в рамках неформальной логики содержания: для понимания смысла предложений необходимо обращение ко всему текстуальному массиву, которое приводит к необходимости разработки «логики содержания»²¹. Для решения второй задачи предметно используется инструментарий логики содержания и «логики познания» (Г. Шпет), а также задействованы методы интеллектуальной истории идей. Третья задача решается на базе сравнительного анализа и сопоставления основных положений исторических интерпретаций философии Э. Гуссерля, неокантианцев, Э. Дюркгейма в контексте методологии философской герменевтики, разработанной Г. Шпетом. В основе решения четвёртой и пятой задач исследования лежит встраивание частных логик теорий в диалогическое функционирование философии. Для выполнения этих задач применяется набор методов историко-философской реконструкции, концептуальный и текстологический анализ, изучение философской рецепции идей Г. Шпета в современной философии, а также методы исторической герменевтики. Решение последней задачи потребовало методологии философской герменевтики и концептуальной истории идей в отношении интерпретации разработок Густава Шпета в современной теории познания.

---

²¹ См.: Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина: к вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые осуществлён синтез историко-философской реконструкции теоретико-методологического проекта “логики познания” Г.Г. Шпета и его интерпретации в традиции культурно-исторической эпистемологии. В результате анализа показано, что наследие Г. Шпета является частью современного теоретико-познавательного дискурса, чей потенциал может считаться актуальным в современной философско-методологической рефлексии над наукой.

1. Установлено, что философия Густава Шпета представляла собой цельный замысел, интегрирующей компонентой которого был органически присущий его философскому мышлению интерес к феномену и механизмам познания. Русский философ обращался к феноменологии как к части *положительного* диалога в философии с целью актуализации внутренних *положительных* принципов философии в современной ему науке.

2. Посредством тематического исследования работ «Явление и смысл», «Сознание и его собственник», «История как проблема логики» (I и II части) было показано, что Густав Шпет пришёл к оригинальному пониманию “логики познания”, в основе которой лежит универсальная структура познавательных актов субъекта. Рефлексивность, темпоральность (понятая как индивидуальная историчность), лингвистическая соотнесенность с контекстом и смысловое измерение деятельности являются ключевыми характеристиками познавательных практик. Посредством анализа работы с этими сторонами феномена познания в проекте русского философа определено, что «социальный» пласт бытия является краеугольным камнем и теоретической основой для теории познания Г. Шпета, а затем – для культурно-исторической эпистемологии.

3. Произведено сравнение принципов познания в философии Г. Шпета и О. Конта, Э. Дюркгейма, Э. Кассирера, неокантианцев. На основе этого сравнения продемонстрирована работа концептуальной схемы

познания в философии Г. Шпета, что позволяет сделать заключение о применимости методологии Г. Шпета для анализа истории философии и культуры, а также оснований и особенностей современной теории познания.

4. Уточнено, что именно является “логикой познания” (язык, история, социальное бытие) в философии Густава Шпета, а также эксплицирован её всеобщий характер.

5. На основе историко-философской реконструкции “логики познания” Г. Шпета показано, что ряд проблем современной эпистемологии коренится в реализации принципов *отрицательной* философии, критику которых с позиции “логики познания” предлагал Густав Шпет.

6. Показано, что философско-методологический проект Г. Шпета стал частью современной дискуссии о пределах знания, смысле, значении и методах познавательной деятельности в культурно-исторической эпистемологии.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Оригинальная интерпретация феноменологии Э. Гуссерля Густавом Шпетом имела в своей основе интерес к познавательной проблематике. Именно в философской аналитике интенциональности и рефлексивности переживаний субъекта, регистрируемых феноменологией, Густав Шпет нашёл основу для построения своей теории познания.

2. Теоретической основой философского проекта Шпета был полемический интерес возвращения к *положительной* философии, историческим ядром которой со времён Античности выступала теория познания. Работы Густава Шпета следует рассматривать как обновление методологии познания в соответствии с актуальной ему полемической ситуацией, которое преследует своей целью возвращение не только значимой роли теории познания, но и отстаивание роли философии как центрального культурного феномена в жизни общества, культуры и человека.

3. В качестве своих интеллектуальных оппонентов Г. Шпет выбирает основоположников наиболее значимых на тот момент течений в философии: позитивистов и неокантианцев. Интерес к их трудам и практика историко-философского анализа, осуществленного русским философом, служит одновременно иллюстрацией его методологии, общего замысла и комментарием к развитию философии, на основе которых можно вычленить значимость контекста, культурной ситуации, языка и личной истории для познания.

4. Г. Шпет показывает диалогичность хода развития философии, высоко оценивая подход Э. Дюркгейма. Используя методологию Г. Шпета, в диссертации осуществлено сопоставление его подхода с разработками Э. Кассирера. Их общность свидетельствует о наличии альтернативных *отрицательной* философии принципов в познании.

5. Современный кризис в теории познания имеет в своей основе тенденцию к обезличиванию познающего субъекта и упразднению культурной значимости, ценности теоретической науки. Понимание его истоков остаётся слепым пятном для самой актуальной эпистемологии, однако обращение к наследию Густава Шпета, который представил анализ господствовавших в начале XX-го века тенденций, может послужить целям картографирования проблемных мест в актуальных исследованиях и заложить основы для реализации альтернативных интегрирующих проектов.

6. Культурно-историческая эпистемология представляет собой развитие *положительной* философии в понимании Г. Шпета и сознательно наследует его основным интуициям и методологическим разработкам, в числе которых важность идейного генезиса теории, значимость самоописания субъекта, ограниченное влияние понятой в социологизирующем ключе социальности и, наконец, философски обоснованный статус познания как культурного феномена, имеющего непреходящую ценность.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость диссертации состоит в нескольких аспектах. Во-первых, полученная в ходе исследования тематическая реконструкция теоретико-познавательных воззрений Г. Шпета может служить как основой для дальнейших историко-философских исследований творчества русского философа, так и источником вдохновения для разработки современной теории познания. Во-вторых, представленное исследование идей Г. Шпета задаёт и актуализирует концептуальную оппозицию *положительная – отрицательная* философия, философская интерпретация которой в трудах Г. Шпета может стать основой для понимания актуальных процессов в современной мысли. В-третьих, герменевтическое понимание смысла рецепции идей Г. Шпета в традиции культурно-исторической эпистемологии, а также анализ собственной историко-философской работы Г. Шпета в отношении ряда мыслителей могут служить материалом для расширения методологии познания в истории философии. Наконец, артикуляция и прослеживание методологических принципов познания в философии Г. Шпета и культурно-исторической эпистемологии вносит вклад в современную методологическую дискуссию о феномене познания, феномене познающего субъекта (человека) и значении философии в современной науке и культуре. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке научных и научно-педагогических материалов по истории русской мысли XX-го века, а также при разработке пособий и учебных программ по истории философии, истории и философии науки, истории русской мысли и культуры, организации практических и методологических семинаров, посвящённых упомянутым темам. Помимо прочего, результаты исследования могут оказаться практически полезны в качестве методического пособия для учёных, озабоченных пониманием своего места в структуре современной науки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи диссертации, приводится характеристика теоретико-методологических оснований работы и указываются её источники, освещается научная новизна исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научно-теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные по апробации результатов исследования.

В **первой главе «Принципы познания в философском проекте Густава Шпета»** осуществляется историко-философская реконструкция теоретико-познавательных принципов в философском наследии Густава Густавовича Шпета. Посредством анализа считающихся наиболее значимыми сочинений Г. Шпета демонстрируется, что интерес к познавательной проблематике 1910-х гг. не только составлял значимую часть его творчества, но и стал основанием для последующего перехода к теории языка, философскому осмыслению истории философии, частным сюжетам герменевтики в 1920-е гг. Таким образом артикулируется цельность философии Густава Шпета. В ходе анализа продемонстрировано идейное и тематическое единство философского проекта Шпета, доказано, что такие работы как «Явление и смысл», «История как проблема логики. Часть I», «История как проблема логики. Часть II», «Герменевтика и её проблемы» в эпистемологическом контексте развивают одну тему. Её содержание состоит в том, что феномен познавательной деятельности является культурно-историческим и не имеет значения вне своего философского генезиса в культуре. Показано, что Густав Шпет использовал своё понимание диалогических и культурно-исторических основ познавательной деятельности человека в качестве логической основы для критики соперничающих друг с другом проектов философии. В главе описана и

проанализирована феноменологическая и герменевтическая специфики “логики познания” в философском проекте русского философа, отмечены точки соприкосновения и расхождения феноменологии Г. Шпета и Э. Гуссерля. В главе приведена сравнительная характеристика мысли Густава Шпета и конкурирующих теорий неокантианства, показано, что основа «сферы разговора» Шпета центрировалась вокруг вопроса о природе, возможностях и границах познания. С обращением к наиболее актуальным современным исследованиям в традиции культурно-исторической эпистемологии показано, что новаторство Г. Шпета является значимым для современной философской теории и методологии, произведено обобщение общих методологических принципов познания в философии Густава Шпета.

В первом параграфе первой главы «Феноменологические принципы познания в философии Густава Шпета» произведён концептуальный текстологический анализ главной феноменологической работы раннего периода творчества русского философа, книги «Явление и смысл» (1914). Густав Шпет широко известен как философ, который первым познакомил русскую интеллектуальную культуру с феноменологией. Доказано, что самостоятельное начало разработки философских принципов познания в философии Густава Шпета отталкивалось от проекта немецкой феноменологии, с традицией которой философ соприкоснулся во время своих стажировок в Гёттингене и Эдинбурге. Показано, что Густав Шпет вопреки распространённому мнению не являлся догматическим представителем школы феноменологии, но творчески осмыслил философский проект Эдмунда Гуссерля и считал необходимым развивать его самостоятельно, опираясь на ряд принципиальных положений, которые составляли основу феноменологической школы. К таковым можно отнести акцент на философской природе восприятия вещей, отсутствие догматической концептуальной схемы, приписывающей вещам частные и внешние к их восприятию смыслы, а также сам метод феноменологической редукции. В параграфе приведены аргументы в пользу того, что для Густава

Шпета наиболее продуктивной частью становящегося феноменологического проекта была возможность разработки теории и практик познания, не отягощённых внешними смыслами критической и *не*-критической философии в том виде, как она развивалась в учении неокантианцев.

Во **втором параграфе первой главы «Проблема познания и критика неокантианства Густавом Шпетом»** осуществлён сравнительный анализ взглядов Густава Шпета и школы неокантианцев на вопросы природы и методологии познания. Густав Шпет полагал, что философия Канта является центральным источником, точкой отсчёта современной ему философской традиции. Исходя из этой предпосылки, критическое осмысление проекта Канта и его последователей русский философ относил к одной из приоритетных задач самостоятельного развития мысли. Доказано, что одним из смыслов полемической критики неокантианства Густавом Шпетом было желание не только опровергнуть полагаемые им ложные идеи, но и показать эффективность разрабатываемой им философской методологии познания. Обращение к логике феноменологически понимаемой истории, привело Густава Шпета к необходимости феноменологической историзации всякого знания на основе критерия его темпоральности. В параграфе осуществлена реконструкция взаимосвязи этого аргумента в связи с претензией баденской школы неокантианства на особое существование ценностей в качестве конвенциональных сущностей. Для Г. Шпета принцип неокантианцев «назад к Канту», форма которого легла в основу разделяемого им гуссерлевского призыва «назад к самим вещам», должен получить историко-философское осмысление, в котором теория И. Канта станет лишь частью общего исторического процесса становления философии. Показано, что Густав Шпет видел потенциал негативной релятивизации знания в мысли неокантианства и полагал эту ветвь развития философии тупиковой. В качестве одного из выводов обосновывается утверждение, согласно которому в критике баденского неокантианства мы впервые сталкиваемся с теоретическим и одновременно практическим воплощением

разрабатываемой Густавом Шпетом методологии историко-философского познания.

В третьем параграфе первой главы «Герменевтические принципы познания в философии Густава Шпета» доказано, что герменевтика Густава Шпета явилась продолжением ранее разработанных им же феноменологических установок в познании. Задачей герменевтики стало обнаружение и интерпретация смысла традиции истории философии, механизмов появления и функционирования интеллектуальных понятий. На основе анализа герменевтических принципов философии Густава Шпета показано, что логика перехода от феноменологии к герменевтике была предопределена в силу того, что задача философского познания состояла в уразумении и понимании смысла уникальных явлений, но не в построении категориальной сетки, в которую можно было бы эти явления поместить. Категориальная система сама должна стать объектом критического рассмотрения в современной философии. На основе анализа рассуждений Густава Шпета о природе смысла, необходимости понимания в познавательной деятельности человека продемонстрировано, что феноменологические принципы выступали интегральными для всей его философии. На материале работ «История как проблема логики. Часть I» и «История как проблема логики. Часть II» показано, как герменевтический метод начинает применяться Густавом Шпетом в его анализе истории мысли. Реконструировано, что, согласно мысли Густава Шпета, философское начало методологии познания лежит в анализе способов мышления в рамках конкретно существовавших в истории форм философии и культуры. Оказывается, что подобно тому, как это происходило в аристотелизме, мысли эпохи Просвещения или же трансцендентальной схеме Канта, смысл явлений приватизируется и искажается по мере их включения в масштабные частные философские схемы. Смыслом познания оказывается включение явления в схему с позиций и исходя из интереса самой схемы, но не понимание сути явления. В параграфе осуществлён синтез феноменологических и

герменевтических взглядов Густава Шпета на проблемы теории познания, продемонстрировано единство метода и последовательность мысли русского философа. На основании работы сознания самого исследователя, учёного-философа, Шпет показывает, как общие принципы сознания и познания воплощаются в методологической работе. Её отличительными чертами становятся рефлексия и диалогичность.

В четвёртом параграфе первой главы «Проблема познания и «сфера разговора» Густава Шпета» осуществлена тематическая реконструкция окружавшего Густава Шпета круга тем, которые имели отношение к разработке теоретико-познавательной проблематики. Показано, что вопреки распространённому мнению систематический характер философии Густава Шпета не был уникален в русской мысли начала XX-го века, языком самоописания и аналитической характеристикой которой выступала литературоцентричность. Продемонстрировано, что интерес к теоретическим проблемам был характерен для многих отечественных учёных и философов, с которыми в живом диалоге находился Густав Шпет. При использовании теоретической методологии, разработанной самим Густавом Густавовичем, обосновывается логичность интереса к теории познания в его философии: она была бы невозможна вне особого культурного умонастроения эпохи. Выводом этого параграфа становится тезис, согласно которому своего высочайшего теоретического уровня философия Густава Шпета достигла именно в живом диалоге с окружавшей философа культурой в отношении вопросов природы и границ познания. Одной из отличительных черт подхода Г. Шпета к диалогу с коллегами и оппонентами являлся акцент на наличии общих оснований для диалога. Даже в тех случаях, когда сам философ был категорически не согласен с альтернативными взглядами, он считал необходимым (в первую очередь для методологии познания) опровержение доводов оппонента на основании логики. Показано, что сама «сфера разговора» является важнейшим концептом для герменевтического понимания феномена философии Густава Шпета, которую следует считать

одной из вершин русской мысли. Также обоснована актуальность этого понятия для разработки современной методологии культурно-исторической эпистемологии.

Во второй главе «**“Логика познания” в философском проекте Густава Шпета**» осуществлена предметная реконструкция методологических принципов теории познания Г. Шпета в контексте более общей эпистемологической проблематики. Доказано, что феноменологическая аналитика сознания, как базового феномена человеческой природы, является отправной точкой определения логики познавательной деятельности для Густава Шпета. На материале анализа работ Густава Шпета, а также посредством контекстуального сравнения его идей с подходами позитивистов, дефиницией социального факта в теории Эмиля Дюркгейма, установкой на понимание культурных форм в философии Эрнста Кассирера показано, каким образом теория познания Густава Шпета может быть осмыслена сегодня в свете новых эпистемологических проблем. Историко-философская реконструкция “логики познания” в философии Густава Шпета показывает, что для философа познание следует рассматривать во множественной логике сознания, истории, языка и культуры, которые составляют ядро философской методологии социально-гуманитарного и, потенциально, любого другого вида познания. В философском отношении, поскольку логика функционирования субъекта едина и всеобща, для Г. Шпета не существует принципиальной разницы между познанием наук о природе и наук о духе.

В первом параграфе второй главы «**Аналитика сознания как основа “логики познания” в философии Густава Шпета**» доказано, что предметное применение ранее разработанного в труде «Явление и смысл» феноменологического метода для построения философской теории познания основывается на, во-первых, аналитически понятом универсализме восприятий, которые происходят в одинаково устроенном и субъективно рефлекслируемом сознании человека. Во-вторых, сами вычлняемые из

устройства сознания закономерности становятся основой для внешнего уровня построения теории познания. Густав Шпет изначально обращается к понятию сознания из междисциплинарной перспективы, дополняя и иллюстрируя свои феноменологические интуиции знакомством с мыслью Георгия Ивановича Челпанова, осмысляя психологические эксперименты Вильгельма Вундта. В параграфе показано, что аналитика сознания для Густава Шпета была не самоцелью, но способом разработки универсального теоретико-познавательного взгляда на окружающий мир. Параграф иллюстрирует ранее показанное значение феноменологической методологии Эдмунда Гуссерля для теории Шпета. Проанализирована двухуровневая структура восприятий человека – первичных и рефлексивно-вторичных; показано, что темпоральная характеристика, общая для всех переживаний, может быть включена в орбиту теории познания через общую концептуальную рамку языковой истории. Разворачивая логику работы сознания, Шпет указывает на его неприостановимую интенциональность, сущностью которой является рефлексия ранее отрефлексированного. На микроуровне субъекта из этого рождается историческое, темпоральное сознание и установка на рефлекссию как основу всякого понимания самого себя. «Социальное» в философии Г. Шпета получает статус бытия именно в силу того, что неэлиминируемые рефлексивные практики могут быть овнешнены лишь посредством апелляции к конкретной культуре и языку, в которой живёт и на котором, соответственно, говорит, познающий субъект. Для Г. Шпета абстрактный и формальный субъект в теории познания становится человеком, учёным, чей жизненный мир следует интерпретировать с методологических позиций. На основе анализа структуры сознания в познавательном ключе демонстрируется социальное понимание «Я» в философии Густава Шпета. Предпринятая историко-философская реконструкция понятия социального «Я» показывает оригинальность мысли русского философа и задаёт точку отсчёта для

понимания рецепции его мысли в традиции культурно-исторической эпистемологии.

Во втором параграфе второй главы «Историческая “логика познания”»: Густав Шпет и Огюст Конт» осуществлена тематическая реконструкция критики позитивизма Огюста Конта и его последователей в философском проекте истории философии Густава Шпета. Показана актуальность обращения к мысли Конта с позиций философской теории познания. В смысловых координатах философии Густава Шпета проект Огюста Конта и его широкое влияние – заметим, продолжающее оставаться научным и культурным фактом вплоть до настоящего времени – интерпретированы в качестве культурно-философской доминанты эпистемологического сознания *отрицательной* (термин Густава Шпета) философии. Показано, что нормативное понимание социальных наук, как недостаточно сформировавшихся естественных дисциплин упраздняет саму претензию на понимание смыслов наблюдаемых и переживаемых человеком явлений. По мнению Шпета, контианство является привативной, изымающей философией, чьё мнимое богатство смыслов логически основывается на возможности бесконечного построения отрицаний, но не на желании синтетически, положительно схватывать смыслы явлений. Шпет подчёркивает, что критика явления с позиции его несоответствия позитивистской схеме на практике мало что добавляет к пониманию самого явления, но лишь тавтологически описывает метод О. Конта. На материале собственного методологического анализа Густава Шпета реконструированы аналитические механизмы изменения философской картины мира в позитивизме. Показано, что феноменальные проявления позитивистского мышления внутренне противоречивы, поскольку, являясь философскими по своему основанию и смыслу (именно такое понимание несла в себе философия Огюста Конта как высшая точка отрицательной логики Просвещения), они игнорируют свою собственную природу. Соответствующим образом, Густав Шпет артикулирует важность

критического отношения к контианству и позитивизму, критика которых с эпистемологических позиций может стать одной из отправных точек современной теории познания и *положительной* философии.

В третьем параграфе второй главы «Социальная “логика познания” у Густава Шпета и Эмиля Дюркгейма» производится синтез социального отношения к субъекту в эпистемологическом ключе. Феноменологический анализ «социального бытия» определяется как оригинальный философский вклад Густава Шпета в философию. Затем, на материале сопоставления шпетовского понимания социального с определением «социального факта» в теории Эмиля Дюркгейма показано, что позитивистская перспектива взгляда на историю и культуру не является единственно возможной оптикой наукообразного мышления. Напротив, учитывая её неискоренимые, родовые недостатки, акцентуация на особом статусе культуры, который проистекает из темпоральной природы субъекта и его потребности в социальном контексте для ориентации в мире, понятие «социального факта» и претензия на понимание в социальных науках могут быть отнесены к развитию логики *положительной* философии. Мысль Э. Дюркгейма заложила основы для феноменологического понимания социологического метода. Показано единство устроения Э. Дюркгейма и Г. Шпета, в основе которого лежала общая интуиция признания за социальным самостоятельного значения, равно как и установка на (само-)понимание смысла действий и явлений. В параграфе показано, что обращение Густава Шпета к наследию Эмиля Дюркгейма носило полемический характер и должно было сформировать социальную логику теории познания. Содержательно Густав Шпет определял смыслы социальных фактов как базовые единицы познавательной деятельности в философии, с которых только и может по-настоящему начинаться настоящее герменевтическое уразумение действительности.

В четвёртом параграфе второй главы «Культурная “логика познания” в философии Густава Шпета и Эрнста Кассирера»

осуществлена историко-философская реконструкция воплощения логики *положительной* философии в отношении культуры у двух мыслителей. На материале сравнения методологии наук о культуре, разработанной Эрнстом Кассирером в 30-е гг. XX-го века, и философской истории философии Густава Шпета, обосновывается общетеоретическая значимость культуры в познавательной практике. Особо отмечено, что русский мыслитель сформулировал сходные идеи раньше Эрнста Кассирера, в 10-е гг. XX века, в то время как Кассирер пришёл к ним двадцатью годами позже. К большому сожалению, исторические обстоятельства не позволили Густаву Шпету быть непосредственным участником европейской дискуссии о судьбе познания и культуры. Тем не менее, продемонстрированное сходство мысли двух философов показывает, что один из эпистемологических концептов Шпета, «сфера разговора», может быть применим для анализа духа времени. Параграф показывает, что общие основания мышления у Эрнста Кассирера и Густава Шпета, которые одинаково критически относились к возрастающей фрагментации, привативности знания и сужению легитимной сферы «человеческого» и культурного, независимо привели к одному результату: необходимости философской реституции исторически и лингвистически детерминированной культуры как основания философского мышления о познании. Общим унастроением двух мыслителей было внимание к человеку и его жизненному миру, определение которого они видели в аналитике культуры, т. е., как было отмечено выше, в разворачивании аналитического смысла используемых для (само)описаний субъектами и аналитиками понятий. Параграф доказывает, что для обоих философов культура, несмотря на свой внешний статус по отношению к человеку, не может быть помыслена в отрыве от познающего субъекта. Это обстоятельство закладывает основания для культурно-исторической эпистемологии, в парадигме которой культура и человек должны пониматься как диалогическое философское единство.

В третьей главе «Идеи Густава Шпета в контексте культурно-исторической эпистемологии» производится синтез эпистемологических принципов философии Густава Шпета в контексте культурно-исторической эпистемологии: 1) даётся обобщающая характеристика теоретико-эпистемологических разработок Густава Шпета, 2) показано, сколь значимую роль играл вопрос о теории познания для русского философа, 3) продемонстрировано, что наследие Густава Шпета составляет центральное философское ядро культурно-исторической эпистемологии как философии познания смысла и человека, 4) реконструирован критический метод Густава Шпета, который стал составной частью культурно-исторической эпистемологии. В главе с методологических позиций разработанного Г. Шпетом метода анализа даётся очерк основных черт и тенденций в современной эпистемологии. К последним относится нарастающая фрагментация (привативность) дисциплин и практик и стремление к логическому определению через отрицание своеобразия человека, его подмена искусственно-сконструированной схемой даже в тех случаях, когда речь идёт об анализе реально существующих культурно-социальных и экзистенциальных практик, наконец, установка на предельную социологизацию. На основе этой аналитической работы показано, как и почему философский проект Шпета становится основой для культурно-исторической эпистемологии. В ходе анализа акцентирована связь работ культурно-исторических эпистемологов с методом Г. Шпета, а также необходимость обращения к мысли русского философа для анализа современного состояния теории познания.

В первом параграфе третьей главы «Теория познания в XX и XXI вв.: в поисках смысла» приведён тематический анализ развития теории познания на протяжении XX-го и XXI-го веков. В качестве фокуса рассмотрения избран поиск того, как менялось представление о «смысле» и сама роль философии в вопросах познания. Показано, что общей внешней логикой развития теории познания явилась возрастающая фрагментация тем,

методов и подходов. При помощи обращения к концептуальному методологическому аппарату философии Г. Шпета доказано, что фрагментация теории познания на протяжении указанного периода не явилась способом обогащения теории познания с позиций философии, но привела к исключению значительной части наследия теоретической мысли из фокуса внимания современных эпистемологов. Значимая часть актуальных тенденций в эпистемологии определяется как проявление отрицательной философии, установка которой состоит в том, чтобы давать логически ограничивающее, но не синтезирующее определение смысла явления. Обосновывается необходимость понимания экспансии studies-образных подходов в качестве реализации логики *отрицательной* (Г. Шпет) философии в современной теории познания. На основе обращения к самым современным тенденциям в области эпистемологии (STS, эмпирицизм, новый идеализм и материализм, перенниализм, эссенциализм, гендерная критика науки, анализ «Mega Science» и проч.) демонстрируется внутренний интерес к социальному в контексте возвращения вопроса о смысле и значении человеческой деятельности. Тем не менее, большинство из современных подходов, даже и осознавая свою ограниченность, не имеют возможности переформулировать самих себя в собственных теоретических и методологических границах. Подобную унифицирующую роль последней критической инстанции может на себя взять только философская рефлексия, чем и обосновывается релевантность философских построений Шпета для методологии современных теорий познания.

Во втором параграфе третьей главы «Идеи Густава Шпета в контексте современной теории познания» проанализирована актуальность рецепции идей Густава Шпета в современной теории познания, над которой работают представители культурно-исторической эпистемологии. Показано, что в рамках традиции культурно-исторической эпистемологии была осознана необходимость в возвращении к переопределению базовых понятий исследования познавательной деятельности человека в философском ключе,

реорганизации процесса философского познания в синтезирующем смежные области и методы модусе. Показано, что метафизическая природа интереса к познанию у субъекта может и должна стать отправной точкой в понимании смысла познавательных практик, что игнорируется в современных STS, case studies, новых материалистических оптиках познания и других распространённых исследовательских установках. На основе анализа восприятия логики развития теории познания в культурно-исторической эпистемологии показана актуальность представлений Густава Шпета о диалектическом соотношении положительной и отрицательной философии, которое составляет внешнюю философскую рамку актуальной ситуации. Рассмотрены эпистемологические перспективы концепции философской истории философии, «исторической философии» Густава Шпета в контексте современной теории познания. На основе проведённого анализа делается вывод о том, что культурно-историческая эпистемология является рефлексивным продолжением разработок русского философа, что может быть понято как описанная самим Густавом Шпетом реализация логики *положительной философии*.

В третьем параграфе третьей главы «Культурно-историческая эпистемология как направление в современной теории познания» представлен анализ культурно-исторической эпистемологии как направления в актуальных исследованиях познавательной деятельности. Показано, что в основе культурно-исторической эпистемологии лежит неудовлетворённость ограниченностью и специализацией ряда современных подходов к этому феномену (социальная эпистемология), равно как и осознание дефилософизации культуры. Последнее понимается как проблема, поскольку сам феномен европейской рациональности имеет в своей основе философское мышление, которое всегда может быть переопределено в рамках конкретной культурно-исторической ситуации, но не может быть упразднено без разрушительных для культуры последствий. Одной из основных тем культурно-исторической эпистемологии является категория

«достоинство знания», которое следует понимать, как возвращение к философской “логике познания”. Рассмотрены философские истоки обращения к понятию знания. Доказывается, что представления культурно-исторических эпистемологов о культурной значимости и осмысленности знания являются реализацией культурной логики, заложенной в философию с момента её зарождения. Само знание необходимо является культурным феноменом и, следовательно, для своего адекватного понимания требует учитывать культуру при анализе. В параграфе освещаются сюжеты, связанные с полемическим потенциалом культурно-исторической эпистемологии. Показано, что изменение внутренней логики понимания знания ведёт к трансформации процессов производства самого знания. Учёные, нормативно лишённые рядом современных теоретических оптик ценностного измерения своей деятельности, теряют фундаментальное измерение в науке, буквально оказываясь неспособными понять, какой вклад они вносят в общее дело. Продемонстрировано, что понимание процесса расширения сфер прикладной науки в культурно-исторической эпистемологии может быть продуктивной оптикой, имеющей практические следствия для философии. Выделены основные специфические черты культурно-исторической эпистемологии в контексте кризиса современной теории познания: 1) возможность философской экспертной оценки как состояния самого знания, так и его исследований, 2) диалог с альтернативными историческими подходами в теории познания, которые формировали актуальные принципы познавательной деятельности, 3) возвращение «ценности» и «человекоразмерности Я» в вопрос о познании, 4) чуткое внимание к исторической логике самоописания процесса познания со стороны его участников как к значимому источнику рефлексии. Продемонстрировано, что культурно-историческая эпистемология может дополнять и организовывать частные исследования *практик* научной деятельности, предлагая интегрирующую философскую установку для понимания смысла познания.

В четвертом параграфе третьей главы «Основания культурно-исторической эпистемологии в трудах Густава Шпета» осуществлена историко-философская реконструкция логики обращения к наследию русского философа в трудах культурно-исторических эпистемологов. Основные идеи культурно-исторической эпистемологии как оформленной концепции начали складываться в конце XX-го века как ответ на запрос о восстановлении философской значимости феномена познания. В качестве методологического источника подхода ключевые для направления авторы – не все из них *только* культурно-исторические эпистемологи, но все они так или иначе разделяют ключевые интуиции подхода –, такие как Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина, В.А. Лекторский, Л.А. Микешина, Н.С. Автономова, П.П. Гайденко, В.Н. Порус, М. Денн, К.Г. Фролов, Н.И. Кузнецова, В.Г. Кузнецов, В.С. Степин, И.Н. Грифцова, В.Г. Кузнецов и многие другие в поисках методологического вдохновения по построению положительной философии обратились к наследию Густава Шпета. Основой такого обращения именно к творчеству Г. Шпета стала органическая включённость его мысли в русскую культуру, которая на практике не утратила своей преемственности. Одной из методологических установок самого Г. Шпета было требование внимательно понимать историческую преемственность мысли. В случае с разработкой теории познания на русском языке в концептуальной рамке русской культуры, именно феноменологический подход Густава Шпета оказался наиболее релевантным и, что не менее важно, актуальным для современной кризисной ситуации господства «отрицательных» тенденций в философии познания. Соответственно, историко-философское исследование творчества Г. Шпета, понимание его многоплановости и анализ последовавшей рецепции является одной из актуальнейших задач картографирования и развития современной философии на русском языке. Этот опыт также может быть применён и для работы с другими фигурами мысли, что было показано самим Г. Шпетом в его работах, а также на практике реализуется в проектах культурно-

исторических эпистемологов. В параграфе обосновано тематическое единство философского проекта Г. Шпета и предпринятых культурно-историческими эпистемологами попыток возвращения «достоинства» знанию и, следовательно, философии познания как конститутивной части культуры. Доказано, что феноменологически разработанная идея темпоральности сознания в философии Г. Шпета, из которой следует объективность социального измерения реальности, может считаться эпистемологическим основанием философской рефлексии над феноменом познания. Показано, что единство культуры, истории и языка, вытекающее из осуществлённого Г. Шпетом философского анализа, было основой философского проекта Г. Шпета. Впоследствии эта ориентация стала основой методологических построений культурно-исторической эпистемологии.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы дальнейшей разработки исследования и направления их реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование было посвящено тому, как философско-методологический проект Густава Шпета стал основой для культурно-исторической эпистемологии. Нетрудно представить себе вопрос: о чём всё-таки была диссертация в первую очередь? Об истории философии или об основаниях эпистемологии? На наш взгляд – и мы предприняли все усилия для того, чтобы это наглядно показать – в случае с культурно-исторической эпистемологией в трудах Густава Густавовича Шпета это противопоставление является мнимым. Философия познания относится к философии (а, значит, и к истории философии!) не в силу формального сходства, будь оно историческим, тематическим или просто удобным для административной организации науки, но по причине того, что в своём *положительном* виде они представляют собой единый историко-культурный феномен, который был сформирован и, одновременно, формировал западную рациональность. Именно в её границах родилось большинство из известных нам на сегодняшний день теоретических подходов и концепций в философии. Иными словами, наша культура, в центре которой находится стремление к познанию, исторична и с необходимостью философична. Последние характеристики являются и способами настоящего понимания самого познания. Сказанное ни коим образом не противоречит существованию частных подходов в теории познания или функционированию конкретных дисциплин и наук, но задаёт перспективу их философского осмысления, которое может быть интересно отнюдь не только профессиональным философам, но каждому, кто хочет осознать своё место в мире и понять природу своей страсти к познанию.

Понимание Густавом Шпетом проблематики теории познания важно для нас сегодня по нескольким причинам. Помимо очевидной самоценности его выдающегося философского проекта для интеллектуальной истории русской культуры работа Густава Шпета выступает связующим звеном не

только между современной философией на русском языке, но и мостом сквозь время и культуру. Она возвращает теоретическую мысль к её продуктивным истокам. Это уникальное положение и роль философии Густава Шпета обусловлены несколькими факторами. Несмотря на то, что развитие и «прогресс» в философии – это дискуссионные понятия, отрицать наличие изменений и прирост знаний было бы абсурдно. Исходя из классического («образцового» по определению) понимания философии, задача мыслящего человека превращается в задачу по актуализации изначально заложенных в рациональное философское мышление потенциалов. Каждая эпоха должна творчески переопределять саму себя и свои основания, таковы условия её существования и философского выживания. Мысль Густава Шпета, его феноменология, герменевтика, философия истории философии, организационная деятельность по налаживанию философской работы и образования, наконец, переводы служили возвращению философии к её первоначальной задаче: к центрированию роли человека в мире, наделению его жизни смыслом.

Рациональное философское мышление устроено так, что в зависимости от историко-культурного контекста эпохи и принятых правил ведения дискуссии формы философского мышления могут значительно меняться. Сама история философии и её прообраз в Античности подразумевают диалогичность, или, если угодно, диалектичность (в гегелевском смысле и понимании, разделяемом Густавом Шпетом). Философское размышление должно быть услышано собеседником, воспринято культурой для того, чтобы иметь значение и смысл для жизни человека или учёного. Эта глубокая рефлексия сопровождала работу Густава Шпета, задавая её формально-содержательную рамку. В итоге мы имеем дело с творческим осмыслением оснований представлявшейся Шпету наиболее актуальной на тот момент феноменологической традиции. Уже в самом начале своего пути Густав Шпет показал себя в качестве самостоятельного и оригинального мыслителя, которому тем не менее не чужда педантичность и

рациональность, логичность и системность мышления. Задача логическим образом выстроенной философии – опора на *универсальную* логику – должна была сыграть роль неопровержимого аргумента для оппонентов, критиков и конкурентов, с которыми находился в дискуссии русский философ.

Мы начали наше исследование с феноменологии Густава Шпета. Как правило, именно с неё начинают разговор о Шпете, когда хотят сказать нечто общее о философе и его роли в интеллектуальной культуре России. Это справедливо и оправдано, однако реализация понимания феноменологического замысла Шпета может не просто смещать акценты, но и представлять его теорию в совершенно ином свете. Мы предприняли текстологический анализ центральной «феноменологической» работы Густава Шпета «Явление и смысл» 1914-го года в определённом тематическом ключе, а именно: попытались проследить генезис его интереса к эпистемологической проблематике. Основанием для такого шага послужила интерпретация философии Г. Шпета в традиции культурно-исторической эпистемологии. Соответственно, для того чтобы вынести вердикт о том, был ли Густав Шпет теоретиком познания, или для него это был побочный, проходной интерес – если вообще был –, необходимо обратить внимание на то, как он выстраивал свою теорию.

Обратившись непосредственно к тексту «Явления и смысла» нами было показано, что ткань текста сплетается из комментариев к мысли учителя Шпета, Эдмунда Гуссерля, самостоятельных идей русского философа и отдельно не артикулированного полемического контекста (без преувеличения, Шпет полемизирует с эпохой). Понимание «Явления и смысла» как работы, представляющей собой лишь переложение концепции феноменологии Эдмунда Гуссерля в корне неверно. Для Шпета его работа – живая мысль, в которой он считает возможным сказать своё собственное слово. Перед тем, как кратко его определить, отметим всё же, что достижения феноменологической традиции были полезны Шпету. Наиболее интересные разработки, включая в том числе и саму творческую,

антидогматическую установку Гуссерля и его учеников, он с охотой принимает. К таковым общим местам относится интенциональность сознания, темпоральность переживания, понимание мира как набора интерпретируемых субъектом явлений, значение понятий «ноэма» и «ноэзис».

Перечисленное выше – это отправная точка для собственной мысли философа. Г. Шпет всегда имеет в виду общий контекст, стремится выразить свою позицию через апелляцию к общим проблемам и смыслам, которые волнуют его современников. Феноменология становится одной из таких общих точек, и принципиально важно, что Шпет даёт не просто её краткое переложение, но предлагает читателю её интерпретацию, по сути, выстраивая самостоятельную философскую концепцию. Именно в ней теория познания, или, точнее, познавательный интерес становятся ключевыми понятиями. Анализируя «Явление и смысл» можно было бы предположить, что всё это было лишь частным проявлением интереса, который был порождён работой с Гуссерлем, но архивная работа, выполненная Т.Г. Щедриной, убедительно показывает, что на уровне текстологии, подготовки рукописей следующая большая работа Шпета «История как проблема логики. Часть I» не является трудом, начинающим или развивающим новые темы. Их следует интерпретировать как реализацию единой логики, в основе которой лежит эпистемология. В целом, теоретические основания философии Шпета, заложенные в 10-е гг., останутся фундаментом его философии на протяжении всей жизни.

Нами была предпринята попытка описать то новое и оригинальное, что Густав Шпет привносит в феноменологический метод. Оно должно было бы послужить и связующим звеном между его работами разных лет. Такой концепцией, которая встретится у Гуссерля лишь спустя 20 лет, в 1930-е гг., становится акцент на *социальном* бытии. Не только явления, но главным образом их субъективно понимаемый смысл, составляют суть восприятий. Для философии познания первоочередным становится вопрос, как этот

смысл производится и функционирует. Раскрытие этого механизма становится задачей Густава Шпета, которую он решает на нескольких уровнях, к каждому из которых мы обращались в ходе нашего исследования. Во-первых, инструментарий аналитической феноменологии позволяет раскрыть то, как функционирует интенциональное сознание человека, испытывающего переживания. Во-вторых, из феноменологической постановки вопроса проистекает задача герменевтического понимания смысла. Затем логически необходимым становится картографирование субъективного смысла в культуре, в которой он только и может существовать как отдельный вид бытия. Наконец, важны и отдельные аспекты понимания смысла: язык, история, культура, философская рациональность. Все они вместе формируют универсальную “логику познания”, эмпирическое воплощение которой может различаться. Именно в таком виде вдохновение Густава Шпета послужило основой для культурно-исторической эпистемологии. О перспективах этого направления мысли русского философа и традиции культурно-исторической эпистемологии можно судить, исходя из того, какие проблемы стоят перед актуальной теорией познания.

Для Густава Шпета как философа цель понимания смыслов мира достигается посредством двух отправных точек: структуры субъекта и культуры. Переживание явления, которое суть философски понятое психологическое состояние, никогда не является непосредственно доступным не только самому человеку, но и внешнему наблюдателю. Соответственно, велик соблазн объявить сознание чёрным ящиком, не поддающимся логическому анализу, что в предельной своей интерпретации ведёт к солипсизму – «скандалу» – в философии. Густав Шпет показывает, что нужно анализировать логику работы познающего сознания, которая при всём возможном многообразии своих состояний и наполнений всегда будет универсальной. Избрав этот путь, он приходит к первой константе своей философии познания – темпоральной рефлексивности переживания, которая может быть уточнена в культурных и психологических рамках. Переживания

могут быть недоступны человеку и его собеседникам непосредственно, но всегда являются в качестве вторичных переживаний воспоминаний о своих состояниях. Память, темпоральность, а, значит, и необходимая историчность являются основой всякого познания, образуя его структуру.

Густав Густавович, руководствуясь философской ценностью познания смысла явлений, ищет способ увязать свою аналитику сознания с индивидуальными поисками смысла в процессах обыденного познания. Подобно тому, как человеку нужно знать, для чего используется то или иное слово для успешной коммуникации, так и науке нужно знать, чему служит и как определяет познание тот или иной механизм. Для доступа к миру смыслов необходима интерсубъективность, или, как её творчески интерпретирует Шпет, «социальное бытие». Разница в словоупотреблении неслучайна. Если интерсубъективность на уровне языка отсылает к искусственному поиску/изобретению/конструированию понятия, то социальность – это продуктивная метафора, которая может осуществить переход от феноменологической штудий сознания к герменевтике и истории. Позже Эдмунд Гуссерль также пришёл к осознанию и разработке центральной роли проблемы интерсубъективности.

«Социальное бытие» – это история, культура и язык. Его объективное существование основывается на том, что познание осуществляется посредством рефлексивного, разворачивающегося во времени соотнесения опыта опытов переживаний со смыслом. Интенциональность субъекта – это не только слепая направленность на всякое внешнее, подобная примитивному принципу стимул-реакция, но схватывание в мире смыслов, которые являются жизненно важными для психологического субъекта, который по мере осознания себя в мире языка и истории становится человеком. Густав Шпет видел опасность в схематизации человеческого субъекта, в его отрыве от мира смыслов, поэтому его феноменология была призвана не укрепить разделение философски достоверного субъекта и конкретного человека, но посредством неоспоримой философской логики

вернуть миру смыслов легитимное положение в философии и теории познания.

Убедившись в том, что философская аналитика сознания не упраздняет «собственника» сознания, но, напротив, побуждает исследовать тот мир смыслов, в котором живёт человек, Густав Шпет перешёл к реализации полемической части своего философского проекта, который одновременно стал и теорией, и практикой его философской методологии, поскольку главное, что делает философия – это работа со смыслами культуры, которые составляют содержание личности. Своей непрекращающейся рефлексией она созидает их и вдыхает в них новую жизнь. Герменевтика как наука о понимании смыслов стала для Шпета следующей центральной темой, равно как и история истории философии. Отдавая себе отчёт в многообразии форм культуры, философ не стремился самостоятельно заниматься всеми возможными сюжетами. Этот энциклопедизм скорее был бы противен его задаче. Смыслом познания, его центром Густав Шпет видел *положительную философию*, выстраивание которой в его конкретной культурно-исторической ситуации предполагало академическую работу с историей мысли.

Наш анализ его критики неокантианства, спора с Огюстом Конттом показал, что Шпет не берёт нечто произвольное в истории мысли, но отталкивается от того, что можно отнести к центральным и актуальным темам. Иначе говоря, Густав Шпет на примере актуальной для своего времени дискуссии показывает, что общая “логика познания” может быть обнаружена в критике истории самой мысли. Этот подход оказывается продуктивным именно в силу того, что все идеи имеют свою историю, но лишь в рамках философской рефлексивной установки они могут быть осознаны, отрефлексированы, а, значит, и справедливо оценены в рамках философской рефлексии над ними.

Неокантианство и позитивизм, столь популярные в те годы, были важными мишенями для критики Густавом Шпетом. Каждое из этих

направлений в системе координат русского мыслителя было *отрицательной* философией, поскольку, во-первых, отказывалось от претензии на понимание смысла научной деятельности, а, во-вторых, подрывало само дело философии, занимаясь главным образом поиском того, почему функции, ранее выполнявшиеся философской рефлексией, должны стать частью конкретных наук. Для Шпета фрагментация способов познания внутренне противоречива, поскольку само познание ценностно и является частью исторической культуры, в основе которой лежала философия. Не умаляя достоинств отдельных наук, Густав Шпет определил, что эмпирические исследования всегда должны дополняться философской рефлексией над языком, историей и культурой, вне которых сознание обречено блуждать в пустоте абстрактных схем, созданных для того, чтобы лишить сам язык, историю и культуру какого-либо самостоятельного смысла.

В первых двух главах исследования мы провели историко-философскую реконструкцию философии познания в проекте Густава Шпета. Интерес к познанию не являлся частным сюжетом его мысли, но был конститутивной её чертой, которая сформировала его круг интересов и методов. В пользу цельности проекта Густава Шпета говорит тематическое единство методов и его собственной исследовательской работы, которых он придерживался на протяжении всей жизни. Для историко-философского анализа мысли Шпета мы в том числе использовали и работы культурно-исторических эпистемологов, которые активно обращались и обращаются к наследию русского философа. Этот методологический ход позволяет нам охватить мысль Густава Шпета в её динамике, показать как нельзя лучше то, как сам Шпет видел функционирование рефлексивной философии истории философии.

Для того, чтобы со всех сторон осветить функционирование философии Шпета как одного из источников вдохновения для актуальной культурно-исторической эпистемологии, в третьей главе мы осуществили тематическое исследование проблематики современного кризиса идей и

ценностей в теории познания. Основой для этого выступило понимание Густавом Шпетом тех тенденций фрагментации методов и утраты смысла в философии начала XX-го века, которые в полной мере реализовались в методологии к 70-м гг. и продолжают присутствовать в современных дискуссиях. Вполне возможно, что формулировка «ограничивают возможные пути понимания смысла» была бы даже более уместна. С нашей точки зрения философское усилие – а это именно усилие *отрицательной* философии – по элиминации субъективного, укоренённого в культуре смысла из практики и теории научной рефлексии явилось плодом стремления к очищению культуры от самой философии, посредством передачи её функций конкретным наукам и подходам. В итоге их декларируемое равноправие, которое подтверждается главным образом тем, что они неуязвимы для критики, ведь общие основания остались в прошлом вместе с традицией истории философии, оказывается хаотичным набором методов и практик разной степени изящности и изощрённости. Это гнетущее многообразие призвано создать возможности для бесконечного потенциала редукции человека до сознания, логической формой которого станет возможность вхождения в экономические, социально-детерминированные и т.п. отношения. За скобками этих процессов остаётся понимание того, что это конструируемая реальность, игнорирующая свой исторический генезис, а вместе с ним и исключаящая смысл из научной деятельности. В результате наука становится опасной для самой себя, не думающей, бессмысленной для её участников, а фундаментальное познание всё меньше интересует самих учёных, к которым строгие критики предъявляют по всей видимости невыполнимые требования.

Нами было показано, что культурно-историческая эпистемология стремится посредством методологии, разработанной Густавом Шпетом, стать частью *положительной* философии, которая на логически непротиворечивых основаниях смогла бы вернуть философское измерение в науку и методологию. Одним из критериев актуальности этого предприятия

становится запрос со стороны самих учёных на возвращение ценности их деятельности, которая не была бы примитивно сведена к полезности их работы. Последняя в условиях капиталистических обществ легко измеряется в подсчёте прибылей выгодоприобретателей, что на уровне индивидуального смысла сильно далеко от реального самосознания науки, которая в своём творчестве отказывается от признания за собой исключительно служебной роли.

Культурно-историческая эпистемология находит в трудах Густава Густавовича Шпета вдохновение и наследует шпетовским способам работы с историей мысли, которые выступают альтернативой деконструктивистским практикам. Поиск противоречий, разрывов, несоответствий, непоследовательностей и влияний в работах и практиках философов, учёных, мыслящих людей имеет своей целью не дискредитацию их мысли, уличение в нечистоте их намерений, но реальное понимание смысла их работы. В ней саморефлексия, культура, индивидуальная и общая история, язык, как носитель смыслов, становятся ключевыми категориями, которые позволяют говорить о познании в положительном ключе. На основе феноменологического понимания логической структуры познания субъекта Густав Шпет воплотил в реальность эту практику анализа и рефлексии. Она становится продолжением философской истории мысли в традиции культурно-исторической эпистемологии, которая возвращает человеку и культуре их смысл и ценность в мире.

Апробация работы

Публикации по теме диссертации:

Работы, опубликованные автором в журналах, индексируемых в международных базах индексации и цитирования, а также входящих в списки журналов высокого уровня НИУ ВШЭ:

1. Афанасов Н.Б. Эрнст Кассирер и Густав Шпет о культуре: перспективы для современной методологии социально-гуманитарного познания // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С. 47–51.

2. Афанасов Н.Б. От позитивизма Огюста Конта к "положительной" философии Густава Шпета: проблема эмпирической истории // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 2(48). – С. 78-87.

3. Афанасов Н.Б. К пониманию статуса социального мира (размышление над книгой) // Вопросы философии. – 2018. – № 4. – С. 100–110.

Иные публикации по теме диссертации:

1. Афанасов Н.Б. Идея автономии в контексте позднего капитализма // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 42-54.

2. Афанасов Н.Б. Утрата человеческой ценности: базовый доход и депрофессионализация // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 1(51). – С. 59-69.

3. Афанасов Н.Б. Читать Андрея Платонова: диалектика философских смыслов в повести “Котлован” // Философские науки. – 2020. – Т. 63. – № 5. – С. 67-86.

4. Афанасов Н.Б. Социологический метод и историческая наука: Дюркгейм и Шпет // В кн.: История как фундамент гуманитарного познания. К 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке: материалы международного семинара, 15–18 октября 2018 г. / Под общ. ред.: Ф.Е. Ажимов, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина, П.Г. Добмаева. – Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2018. – С. 343–348.

5. Афанасов Н.Б. Упразднение самосознания и констатирование коллективного бессознательного в философии Густава Шпета // Вестник института мировых цивилизаций. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 8–14.

6. Афанасов Н.Б. Переход к истории как предмету философского рассмотрения через аналитику структуры сознания в философии Густава Шпета // В кн.: Человек в истории. Методологические тетради по культурно-исторической эпистемологии / Под общ. ред.: Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина. Вып. 1. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 114–123.

Конференции:

Основные положения и выводы диссертационного исследования освещались в следующих выступлениях автора:

1) Всероссийская научная конференция «Современная Россия и мир: исторические контексты и сценарии будущего», Государственный университет «Дубна», Дубна, 13 мая 2022 г. Доклад на тему: «Фрагментация и диалогичность: мысль Г. Шпета в контексте развития теории современной культуры».

2) Ежегодная международная конференция «Социокультурные детерминанты общественного развития: модели и прогнозы», Государственный университет «Дубна», Дубна, 19 апреля 2019 г. Доклад на тему: «Густав Шпет о культуре и истории: проект положительной философии».

3) IX Международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения», Москва, 26 апреля 2018 г. Доклад на тему: «Ernst Cassirer's Theory of Cultural Forms and Gustav Shpet's Views on Culture and History: Reflection on Science and Methodology as a Way of Understanding Society».

4) Заседание «Международного общества Эрнста Кассирера», Технический университет г. Берлина, Берлин, 15 марта 2017 г. Доклад на тему: «Gustav Shpet: Sprache und Geschichte als Phänomene der Erkenntnis».

5) VIII Международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения», Москва, 26 апреля 2017 г. Доклад на тему: «Рефлексия и содержание философского субъекта в феноменологической философии Густава Шпета».

6) XI Научная конференция «Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности», Институт мировых цивилизаций, Москва, 15 декабря 2016 г. Доклад на тему: «Упразднение самосознания и конституирование коллективного бессознательного в философии Густава Шпета».

7) Ежегодная конференция по истории русской философии в «Maison des Sciences de L'Homme d'Aquitane», Бордо, 09 декабря 2016 г. Доклад на тему: «L'histoire comme apprehension de la réalité sociale – d'après les matériaux de Gustav Shpet».

8) Научная конференция «Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук», Институт философии РАН, Москва, 6 октября 2016 г. Доклад на тему: «Самосознание в философии Густава Шпета: между апперцепцией и миром истории».

9) VII Международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ, Москва, 30 апреля 2016 г. Доклад на тему: «История как способ познания социальной реальности в философии Г.Г. Шпета».

10) XXIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 14

апреля 2016 г. Доклад на тему: «Эпистемологическая проблематика в философии Г.Г. Шпета».